

«За ставнями» – это истории тех, кто осознанно выбрал жизнь и работу в деревянных домах, расположенных в центре города.

> Схема массивов деревянной застройки в центре Иркутска

За ставнями / Behind the Shutters

«А вы сами стали бы жить в таких условиях?» – без этого риторического вопроса не обходится ни одна дискуссия об иркутских «деревяшках». Принято считать, что деревянные дома – это неблагоустроенные, полуразвалившиеся обгорелые здания с «удобствами» на улице. Это представление, а также желание застройщиков осваивать исторический центр и невозможность не только отреставрировать все памятники деревянного зодчества, но и поддерживать их в приличном состоянии лежат на одной чаше весов. На другой – уверенность архитекторов, искусствоведов и историков в уникальности деревянного наследия Иркутска и мнение значительной части иркутян, что именно «деревяшки» создают самобытность города.

Полемика о деревянном Иркутске ведется уже несколько десятилетий и давно напоминает сотрясение воздуха. Тем временем ситуация меняется: одни деревянные дома сгорают, разбираются и исчезают, другие начинают жить новой жизнью. Их снимают под офисы небольшие компании, ремонтируют, чтобы открыть кафе или магазин, реставрируют и устраивают мастерские. В этом случае риторический вопрос «А вы сами стали бы здесь жить?» можно превратить в другой: «В чем особенность жизни и работы в деревянном доме, дает ли это какие-то возможности и какие возникают трудности?»

Эта статья – о трех семьях, проживающих или работающих в деревянных домах. Первая история достаточно распространенная: семья живет в деревянном доме в центре города и не собирается ни менять, ни продавать свою квартиру. Вторая посвящена одному из первых домов, который сначала был жилим, а затем вместил в себя семейное предприятие. Третья связана с мечтой многих архитекторов, художников, ремесленников – иметь просторную мастерскую в центре города.

История первая. В этом доме семья Гольдбергов живет больше ста лет. Сегодня его обитатели – наш собеседник Григорий Александрович, его жена и семьи обеих дочерей. До революции дом был частью усадьбы из двух домов, которая принадлежала известному иркутскому купцу Кузнецу, и сдавался внаем.

«В 1916 году мой дедушка женился на моей бабушке (будущей, конечно), они сняли здесь комнаты». Григорий Александрович предполагает, что дому больше ста лет:

«Бабушка рассказывала: в девятьсот шестнадцатом они сюда заехали – он был после капремонта». В двадцатые годы оба дома были плотно заселены. На втором этаже проживает семья Гольдбергов, а первый разделен на несколько квартир. Во втором доме усадьбы еще шесть квартир, одна из которых до сих пор коммунальная.

Один из главных плюсов деревянного дома – возможность обустроить его на свой вкус. Дом отапливался русской печкой, она занимала большое пространство на кухне. С появлением центрального отопления необходимость в ней отпала, и она была разобрана. На освободившемся пространстве появилась темная комната и холодильник, было выделено место под душ, совмещенный с туалетом.

Пространство небольшой кухни разделено на две части – саму кухню и рабочий уголок Григория Александровича с различными инструментами. «Я тут изменил кое-что. Вот здесь, например, должен был быть не стол, а раковина, но нам нужен был стол. Вот здесь тоже надо было такую вот иметь штучку (шкаф-пенал. – Прим. авт.). То есть я приспособил все под свою кухню. Вот этого (уголка с инструментами) тоже не было, но это для моих лаков, красок...» – поясняет он.

В гостиной-столовой громоздкая мебель была переделана в антресоли под потолок. Старинный шкаф стоит

текст
Анастасия Репина
рисунки
Анна Моисеева /
text
Anastasia Repina
pictures
Anna Moiseeva

^ Братья Гольдберг первые в Иркутске открыли гараж по обслуживанию автомобилей

^ Братья Гольдберг сконструировали первый в Иркутске самоходный баркас, переставив на него двигатель от опять же пегово в городе автомобиля. Его они выкупили в связи с поломкой.

в квартире с момента заселения, но остальное пришлось убрать. «Почему? Потому что они громадные были, занимали очень много места. Вот тут был большущий... буфет его называли, так вот от этого буфета я только дверки использовал для антресолей. А так он выступал и занимал место – метров пять-шесть, наверное».

Из квартиры имеется выход на остекленную веранду. «Терраса, как ее называла бабушка, до ремонта снаружи вся была покрыта резьбой. У нас в 76–77 годах был капремонт – убрали печки и всю резьбу». Весной на террасе выращивают рассаду, а летом иногда ночуют. Несколько лет назад возникла идея достроить мансардный этаж для увеличения жилой площади, но необходимого разрешения получить не удалось.

Со временем деревянные окна были заменены на пластиковые. «Окна современные. Я их поменял лет семь или восемь назад. Сам ставил! Если бы ставила организация, двенадцать с лишним тыщ стоило бы каждое окно. Я говорю: «А если я буду их выкупать и сам ставить?» «Тогда пять сто». То есть я сэкономил довольно приличную сумму. Ну, это не за раз конечно, это было последовательно... Окнам-то было столько же лет, сколько самому дому, поэтому я их все заменил».

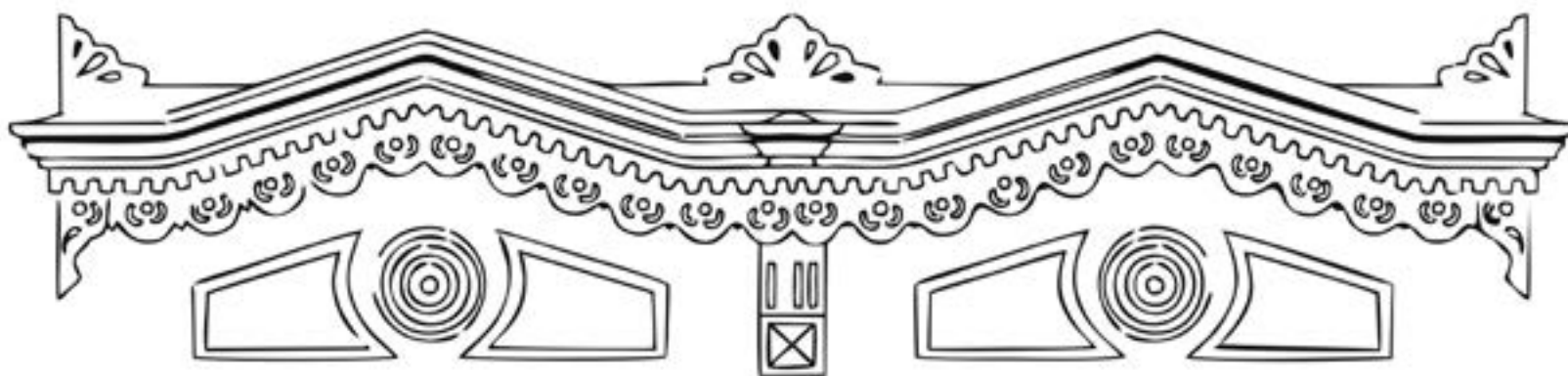
Живя в деревянном доме, можно почувствовать себя хозяином не только в квартире, но и во дворе. Двор усадьбы имеет два выезда – с деревянными воротами на

улицу и с коваными – в соседний двор. Два дома, расположенные в усадьбе, имели свой двор с хозяйственными постройками. Со временем постройки были снесены. При строительстве многоэтажного дома по соседству деревянный забор с воротами был восстановлен, а территория двора благоустроена. Сейчас двор закрыт, им пользуются только жители – как автостоянкой. Свободного места от машин остается немного, но зимой Гольдберги заливают горку для детей.

Для Гольдбергов эта квартира стала настоящим семейным домом, а пару лет назад старшая дочь, уже со своей семьей, приобрела квартиру по соседству. Теперь Гольдберги вместе с дочерьми занимают весь второй этаж.

История вторая. Кафе «У бабули» находится в самом центре города и занимает одну из трех квартир в небольшом одноэтажном доме. В 1987 году Александра Николаевна Седых продала дом в Усолье-Сибирском и переехала вслед за дочерью в Иркутск. Она купила однокомнатную квартиру в деревянном доме рядом с клиникой, в которую устроилась на работу. Дочь с детьми жила в другом районе, но затем переехала к маме. В девятых нужно было как-то зарабатывать, и женщины стали выпекать пирожки и продавать их в ближайших офисах. Затем к пирожкам добавились обеды, со временем спрос вырос и обеды уже не разносили по офисам, а продавали прямо из дома. А в 2001 году семья переехала, к квартире

был сделан пристрой и открылось кафе. Сейчас в кафе трудится три семьи, дети и взрослые проводят здесь большую часть дня.

Сложностей с коммуникациям, по словам Ольги (внучки), не возникло: «Отопление здесь уже было. Горячую, холодную воду подвели. Начали с кухни, поставили раковину, вытяжку... Сами все, все своими руками сделали. Потихоньку, шаг за шагом получалось кафе».

Статус объекта культурного наследия осложняет процесс ремонта, в котором дом нуждается постоянно.

Любовь Геннадьевна: «Все упирается в «архитектуру»: с ними сложно решить вопросы. Не то что они не дают... Допустим, мы без их разрешения козырек поменяли. Он был полуразвалившийся, очень тяжелый, сильно давил на косяк. Поменяли – нас оштрафовали. Потому что ты приходишь к ним и говоришь: «Мне надо поменять козырек». Они тебе предлагают ряд фирм, и ты только через эти фирмы поменять можешь. А у них цены, естественно... Дешевле штраф заплатить. Все затраты все равно на мои плечи ложатся. Мы же подписываем с ними договор, что я несу ответственность за памятник, за его ремонт – за все-все-все. Если вы даете такую ответственность нести, то давайте и право выбора. Если я могу что-то своими силами сделать, то дайте возможность. Не надо такие условия выдвигать, штрафовать лишний раз. Понимаю, да – свой бизнес. Но он не несет нам доходы миллионные».

Кроме обновленного фасада, в этом году у дома появились цветники, через два года планируется капитальный ремонт, а летом 2017-го должна открыться летняя терраса.

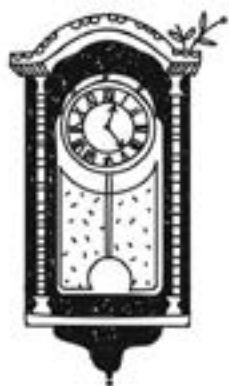
При всех сложностях, связанных с особенностями деревянного дома, он имеет много положительного. «Сейчас мы живем в квартире, а мама с бабушкой и брат – в домах. Это совсем разные вещи. Заходишь в деревянный – там дышится свободно, легко. Даже к брату приезжаю – спать хорошо, комфортно, уютно. Голова не болит, как говорится. С утра встаешь выспавшийся. Да и свой, без соседей. Тут-то столько соседей! Там бренчат, там гремят... Тяжело», – говорит Ольга.

История третья. Дом искусств и ремесел находится в «Иркутской слободе» (130-й квартал) на месте, где раньше была усадьба купца Сапожникова. Сегодня дом принадлежит семье Штанько во главе с нашим собеседником – Евгением Александровичем. В цокольном этаже расположена мастерская, в которой делают деревянную мебель и элементы декора, на первом этаже сувенирная лавка, в ней расположились произведения местных мастеров, на третьем галерея и большой стол для дружеских посиделок, творческих встреч и мастер-классов. «Планировка дома подсказала эту разбивку по функциональным зонам. В принципе, нам это все очень легло в душу, наверное, так можно сказать. Именно дом подсказал, что сделать, как сделать».

в Пианино, на котором играла мама Григория Александровича, было передано в Музей города Иркутска

^ Буфет Гольдбергов, как и другую старую громоздкую мебель, со временем пришлось убрать

В новом доме мастерская находится только четыре года, до этого на протяжении 16 лет семье приходилось арендовать помещения в разных районах города. Для Штанько дом стал постоянным местом размещения мастерской, избавив от кочевничества, бремени оплаты аренды и необходимости налаживать производство каждый раз на новом месте.

Дом был восстановлен из небольших, пригодных для использования частей когда-то существовавшей усадьбы. «Дому этому не повезло: он горел со всех четырех сторон. Внешне это был дом да дом. Начали его разбирать – одна сторона сгорела, бревен живых нет, другая, третья, четвертая. Северная сторона просто сгнила. У нас, по бревнам если говорить, старых, наверное, процентов 10–15 всего лишь осталось. На состоянии сказалось и то, что он стоял 200 лет без фундамента. Никто большие фундаменты не ставил – на «стульчиках» стоял, то есть на лиственничных бревнах».

«Цоколя не было. Когда мы дом разобрали и увезли для сборки, сделали цоколь и дом готовый стали собирать на нем. Планировку мы сохранили первоначальную. До революции пристрой сдавался в наем, поэтому было три крыльца. Мы их сохранили. После революции здесь было шесть квартир, шесть жильцов, были поставлены перегородки – они были удалены».

Удобное расположение мастерской привлекает художников. Дом не только функцией, но и особой атмосферой выделяется в 130-м квартале. «Художники и дизайнеры любят сюда приходиться: дом притягивает. И у него есть такое свойство – уходить отсюда не хочется. Беседы получаются очень долгими всегда. Приходит заказчик на 5–10 минут, у него много дел, но он в конце концов выключает телефон. В принципе-то мы ему не нужны для продолжения беседы, просто ему комфортно здесь находиться, он остановился, он расслабился, он отдыхает. Бывшие жильцы дома приходят иногда в гости, чтобы посмотреть, как он сейчас живет».

В доме не прекращается работа, хозяева постоянно обустривают его и прилегающую территорию, открывая для себя новые возможности. «Мы можем привнести в дом что-то новое. Например, у нас необычные печные трубы: мы поставили на них призмы стеклянные – и

как бы свет в космос, вид на звезды. Слуховое окошко красиво обыграли. Дом подарил совершенно неожиданно еще один этаж. Это будет чилаут (зона отдыха), мансарда. При купце Сапожникове, при других обитателях этого дома это был просто заброшенный чердак, а на самом деле это достаточно большое помещение – в полный рост свободно можно ходить. Это будет приобретение для дома. У нас в планах и скульптуры поставить авторские (мы уже присмотрели), и озеленение сделать – это все необходимо. Ну и столько уголков еще в самом доме, которые нужно декорировать, благоустраивать, наводить уют, обживать. Очень много планов. И приятно, что мы даем этому дому жить в новом качестве».

Со временем семья переехала жить в деревянный дом за городом. «Мы жили в панельных квартирах в городе. Потом построили дом, переночевали первую ночь – и остались. Переехали туда и там живем. Причем у нас были попытки приехать в город, в нашу квартиру, но уже не смогли. Это свойство человека. Дерево – это природный объект, человек – природный объект и дом – природный объект. То есть хорошая гармония. Приятно жить».

Герои всех трех историй с особым чувством относятся к своим домам. Они готовы к постоянному уходу за домом, а взамен получают бонусы – как вполне понятные жителям многоэтажек (использование двора, отсутствие множества соседей), так и те, которые для посторонних звучат почти мистически («лучше спится, дышится»). Для тех, кто выбрал деревянный дом для жизни или работы, плюсы перевешивают минусы. Одна семья живет в своем доме уже сто лет и не собирается менять его. Для двух других деревянные дома стали площадками для семейного дела, но отдохнуть от рабочего дня они уезжают не в панельные квартиры, а в купленные в пригородах деревянные дома.

Даже ограничения, связанные со статусом объекта культурного наследия, воспринимаются всего лишь как бюрократические помехи для поддержания жизни своего дома. Ключевое слово здесь «свой». Речь не столько о собственности (квартиры в многоэтажках тоже приватизированы), сколько об индивидуальности дома и индивидуальности хозяев: в деревянных домах это тесно связано.